

УДК 791.9
ББК 7

Быховская Ирина Марковна

Доктор философских наук, профессор, департамент физической культуры, спорта и медиакоммуникаций, Институт естествознания и спортивных технологий, Московский городской педагогический университет, 105568, Россия, Москва, ул. Чечулина, 1

ORCID ID: 0009-0005-8814-3886

ResearcherID: LKL-3524-2024

BykhovskayaIM@mgpu.ru

Ключевые слова: спорт, искусство, советское искусство, взаимодействие спорта и искусства, эмоции, артификация, спортизация

Быховская Ирина Марковна

Спорт в отечественном художественном прочтении: культурологический взгляд на мотивы и нарративы

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

DOI: 10.51678/2226-0072-2024-4-70-99

Для цит.: Быховская И.М. Спорт в отечественном художественном прочтении: культурологический взгляд на мотивы и нарративы // Художественная культура. 2024. № 4. С. 70–99. <https://doi.org/10.51678/2226-0072-2024-4-70-99>.

For cit.: Bykhovskaya I.M. Sports in the Soviet Artistic Interpretation: A Culturological View on Motives and Narratives. *Hudozhestvennaya kul'tura* [Art & Culture Studies], 2024, no. 4, pp. 70–99. <https://doi.org/10.51678/2226-0072-2024-4-70-99>. (In Russian)

Bykhovskaya Irina M.

D. Sc. (in Philosophy), Professor, Department of Physical Culture, Sports and Media Communications, Institute of Natural Sciences and Sports Technologies, Moscow City Pedagogical University, 1 Chechulina Str., Moscow, 105568, Russia

ORCID ID: 0009-0005-8814-3886

ResearcherID: LKL-3524-2024

BykhovskayaIM@mgpu.ru

Keywords: sports, art, Soviet art, sports and art interaction, emotions, artification, sportization

Bykhovskaya Irina M.

Sports in the Soviet Artistic Interpretation:
A Culturological View on Motives and Narratives

Аннотация. В статье рассматривается взаимодействие между двумя сферами социокультурного пространства — искусством и спортом — с ориентацией на принципы культурологического анализа. Фактологическая база, использованная в исследовании, связана преимущественно с раннесоветским этапом развития этих социокультурных практик, когда перекрестье линий их движения было обусловлено не только интенциями субъектов художественного творчества и/или спортивного действия, но и общим социально-аксиологическим контекстом деятельности, мощно стимулировавшим союз искусства и спорта. В статье рассматриваются конкретные примеры заинтересованного отношения художников к миру спорта, обусловленные его пониманием как области проявления красоты человеческого тела и духа, как своего рода пространства свободы от идеологических тенет. Такого рода заинтересованность, стремление глубже понять спорт как особую сферу жизни, проявлялась и в широкой представленности спортивной тематики в советском искусстве первых десятилетий XX века, и в сохранившихся словах художников с их «признаниями в любви» к спорту, и в действиях (запечатленных в воспоминаниях современников), связанных с желанием вживую приобщиться к миру спорта — будь то участие в спортивных состязаниях или же неистовая болельщицкая активность. Одним из общих знаменателей для художественного творчества и спортивного действия, обуславливающих не только описанную заинтересованность, но и иные формы взаимодействия этих социокультурных практик (например, феномены артификации спорта, с одной стороны, и спортизации в отдельных жанрах искусства, с другой), как показывает анализ, может быть высокая эмоциональная насыщенность этих практик, их пронизанность экспрессией и своего рода катарсическим эффектом, затрагивающим как актора, так и зрителя.

Abstract. The article is devoted to the interaction between two spheres of socio-cultural space — art and sports — with a focus on the principles of culturological analysis. The factual base of the study is mainly related to the early Soviet stage of the development of the socio-cultural practices under consideration. At that time the confluence of their development was determined not only by the intentions of the subjects of artistic creativity and/or sports action, but also by the general socio-axiological context, which powerfully stimulated collaboration of art and sports. The article examines some examples of artists' interest in the world of sports, which is due to their understanding of sports as an area of manifestation of the beauty of the human body and spirit, and as a space free from ideological restrictions. Such an interest, a desire to understand sports as a special sphere of life more deeply, was manifested in the wide representation of sport themes in the Soviet art in the first decades of the 20th century, in the preserved words of artists with 'declarations of love' to sport, and in their actions (captured in the memoirs of contemporaries) associated with the desire to join the world of sports — be it through personal participation in sport competitions or enthusiastic support. The author of the article argues that one of the 'common denominators' which determine not only the described interest, but also other forms of interaction between artistic creativity and sports action (for example, the phenomena of artification of sports, on the one hand, and sportization in certain genres of art, on the other), is the high emotional intensity of these practices, their expressiveness, and a kind of cathartic effect concerning both the actor and the viewer.

Введение

Анализ взаимодействия, взаимовлияния различных областей социокультурного пространства, выявление многообразия форм и каналов этих процессов с точки зрения их нормативно-ценностных оснований и смыслового ядра, является одной из важных составляющих культурологической исследовательской «призмы». В данной статье такого рода оптика применена для выявления точек пересечения, взаимопроекций двух видов социокультурных практик — искусства и спорта, которые часто рассматриваются не просто как отстоящие друг от друга максимально далеко, но и как базирующиеся на принципиально противоположных основаниях. Одна произрастает из *духовной* природы человека, объективирующей в «*высоком*», «*возвышающем*»; другая ассоциируется, прежде всего, с проявлениями *телесной*, физической природы человека, связывающей человека более с материально-земным, чем с «небесным», то есть с *приземленным*, если не «низменным». Это многовековое философско-методологическое противопоставление души и тела, по вполне понятной логике, проецируется и на массовые представления о высоких и низких социальных практиках, о достойных Человека культурных модусах самореализации и тех, что традиционно рассматриваются как их антиподы.

Отмеченное противопоставление искусства и спорта зиждется именно на такого рода методологических и мировоззренческих основаниях (замечу, что, конечно, не только на них). Однако безусловность такой дихотомической парадигмы может быть подвергнута серьезным сомнениям не только путем логического анализа, но и большим числом примеров реального пересечения и взаимовлияния «художественного» и «спортивного». В качестве ключевой задачи представленного исследования выступает как раз раскрытие многообразия векторов таких взаимопроекций, включая масштабное присутствие темы спорта в произведениях искусства; проникновение элементов искусства в спортивные действия или зрелища (так называемая «артификация» спорта) и встречный процесс «спортизации» элементов в отдельных видах живого художественного творчества. Не последнее место в контексте анализа своего рода межкультурного взаимодействия (культуры художественной и спортивной) должны занять реальные жизненные кейсы художников, обращающих свой

Спорт в отечественном художественном прочтении:
культурологический взгляд на мотивы и нарративы

взор на мир спорта как важного для них эмоционального резервуара, как того «тематического шелтера», который позволяет укрыться от жестких идеологических тенет, в том числе, когда все, связанное с «телесным», становится социально/государственно не одобряемым.

Одним из наиболее ярких социально-исторических этапов с точки зрения артикулированной интеграции сфер художественного творчества и спорта является раннесоветское общество, где перекрестье встроило в себя «3Д-измерение»: Дебютность (новации в том и другом, да еще и в значимой сопряженности), Декларативность (аргументация значимости их сочетания для общей цели), Демонстративность (наглядная явленность сопряженности телесного и духовного начал). Именно этот период (хотя и не только он) преимущественно стал предметным ландшафтом для культурологического анализа выделенной нами проблемы — взаимодействия искусства и спорта, чему, безусловно, способствовало наличие богатого искусствоведческого материала, относящегося к творчеству и творцам этого периода, а также ряд отечественных и зарубежных историко-спортивных исследований, к которым мы будем прибегать в процессе рассмотрения соответствующих аспектов проблемы.

Искусство и спорт в проекции аксиологии духа и тела: есть ли общий знаменатель?

Как отмечено во введении, смысловое и аксиологическое измерение социокультурных практик, включая такие, как художественное творчество и спорт, сопряжено с более широким мировоззренческим контекстом, неизбежно включающим определенное понимание телесно-духовного сопряжения. Траектория предлагаемых решений и подходов здесь представляет собою совсем не прямую, отражая на протяжении веков движение мысли в сторону как строго дихотомического, так и интегративно-гармонизирующего подхода к связи тела и духа; противопоставление низменно-телесного истинно духовному или, напротив, поиск, говоря словами великого русского философа В.С. Соловьева, путей «возвышения телесности»; процесс маятникового раскачивания не только научного, но и массового сознания от жесткой идеологемы «тело — темница души» до столь же ригоричных установок адептов соматизации человека с их абсолю-

тизацией природно-телесного, предпочтениями бодипозитива и т.д. [Быховская, 2000, с. 5–15].

В этом контексте сопоставление спорта и искусства как форм деятельности объективации «телесного» и «духовного», линий их пересечения/противопоставления может рассматриваться как одна из проекций существенно более широкой проблемы. Еще более сужая предметное поле в рамках такого рода проекции, уточним, что выбранный нами аспект, который обозначен названием статьи, — тоже лишь небольшой сегмент того обширного поля, где связи спорта и искусства выступают предметом самых разных научно-дисциплинарных исследований: от дискуссий о влиянии глубинных философско-мировоззренческих оснований на характер этих связей, как уже упомянуто выше, до конкретных практикоориентированных разработок эстетизации современного спорта; от искусствоведческого анализа спортивных представлений (чего стоят только что отшумевшие публикации о достоинствах/изъянах театрализованного открытия Олимпийских игр — 2024 в Париже) до антропологических эссе о месте «спортивного тела» в современной моде, в искусстве рекламы; от обсуждения конкретных технологий художественной визуализации спортивных зрелищ до использования элементов спорта в сцендвижении и других компонентах художественного творчества [Эдельман, 2008; О’Махоуни, 2010; Столяров, 2017; Hughson, 2019]. Острословы, правда, замечают, что самым наглядным примером сближения культуры и спорта является их близость (в прямом смысле слова) с точки зрения «медийной геолокации»: именно материалы о культуре и спорте, как правило, замыкают информационные программы, ленты и иные медиапотоки (в массовых медиа), пропустив вперед политику, экономику и иные событийные блоки и оставляя после себя, пожалуй, только лишь информацию о погоде.

Но если говорить о более серьезных аспектах проблемы, то, вероятно, одним из базовых вопросов, возникающих уже при самой постановке задачи сопоставления спорта и искусства, является вопрос о наличии у них тех или иных общеплатформенных характеристик, без чего размышления об их сопряжении, взаимодополнении вряд ли будут продуктивны. Очевидно, что при широком антропологическом заходе здесь (как и во многих случаях соотношения искусства с иными практиками), прежде всего, можно выстраивать ракурс, связанный

Спорт в отечественном художественном прочтении:
культурологический взгляд на мотивы и нарративы

с анализом и сопоставлением практик самореализации человека. И философия спорта, и философия искусства, несомненно, давно и активно разрабатывают эти темы, однако, как правило, каждая преимущественно в своей епархии. Ограничившись здесь лишь общей констатацией этого факта и не погружаясь в более глубокий анализ такого рода платформы для единения, обозначим необходимость учитывать при принятии этой отправной точки важного для обеих сфер обстоятельства, что «поле творения», при всей его значимости, и там, и там находится в теснейшей связи с не менее (а нередко и более) важным «полем восприятия»: образ, произведение, зрелище живет, представляя перед зрителем, слушателем, поклонником, болельщиком, подвергаясь его (зрителя) интерпретации и осмыслению. В этом пространстве соприкосновения рождается то, что является, на наш взгляд, одним из общих знаменателей для сферы художественного творчества и спорта — *эмоциональная насыщенность, нагруженность* как самого произведения/действия/зрелища (идущая от субъекта-творца), так и процесса его восприятия, рефлексии, оценки (идущая от субъекта-зрителя). Эта достаточно банальная констатация особенностей рассматриваемых видов деятельности оттенена нами как немаловажная для последующего анализа.

Два вектора анализа художественно-спортивной сопряженности: от процессов «здесь и сейчас» к их репрезентациям

Одной из важных исследовательских развилок для реализации сопоставительно-культурологического анализа искусства и спорта, как можно понять из уже упомянутого многообразия точек их возможного пересечения, является а) обращение преимущественно к их взаимодействию в поле реальных практик, в живых процессах творчества, либо же б) рассмотрение художественных репрезентаций мира спорта в самых различных формах, а также их смыслового, аксиологического истолкования в том или ином социокультурном контексте. Конечно, такого рода дихотомизация носит весьма условный характер: во многих видах художественной деятельности (прежде всего, в исполнительских искусствах) и еще более в спорте пространство «живого творчества», репрезентации созданного и его восприятия/интерпретации — это одно и то же пространство «здесь и сейчас». Тем не менее, учитывая

многообразии и разнохарактерности как художественных жанров, так и спортивных практик, в исследовательской сфере сформировались два относительно самостоятельных блока социокультурного анализа взаимодействия спорта и искусства, отражающих специфику каждого из предметных полей, выделенных выше.

В первом случае (рассмотрение взаимодействия и взаимовлияния живых практик спорта и искусства) одним из наиболее значимых представляется рассмотрение процесса «артификации» спортивного действия, его насыщения художественным компонентом, с одной стороны, и своего рода «спортификации», проникновения элементов спортивной окрашенности в различные виды художественного творчества, с другой (приношу извинение за большое количество кавычек — отсутствие устоявшейся научной лексики в данном сегменте исследований тому причина). Очевидно, что процесс «артификации» спорта тесно связан с такой его характеристикой, как зрелищность, которая все более выступает на первый план в современном спортивном мире, в том числе в силу его активной медиатизации, расширения практики включения художественно-культурных представлений как обязательного элемента открытия и закрытия масштабных спортивных событий — Олимпийских игр, мировых чемпионатов и др.

Важной и наглядной составляющей артификации спорта, несомненно, является развитие и высокая популярность так называемых художественных видов спорта: фигурного катания, художественной гимнастики, синхронного плавания. Нельзя не отметить, что именно в этом сегменте, где анализ сопряжения спорта и искусства строится на рассмотрении конкретных видов зрелищных практик, не всегда можно строго провести классификацию — где пример «артификации спорта», а где — «спортификации искусства». Достаточно вспомнить, например, про спортивные танцы (в том числе спортивный рок-н-ролл), набирающий популярность пилонный спорт, а уж если включить в поле изучения такой жанр искусства, как цирк, то... Спасибо, что диалектику пока никто не отменял...

Второй масштабный блок исследований в выбранном нами проблемном поле может быть коротко обозначен как «мотивы и нарративы спортивной тематики в искусстве», и именно этот аспект, как понятно из названия статьи, является приоритетным для нашего рассмотрения. Этот сегмент включает в себя вопросы, связанные

Спорт в отечественном художественном прочтении:
культурологический взгляд на мотивы и нарративы

с выбором/присутствием темы спорта в произведениях искусства, с особенностями ее представления и восприятия, с эмоциональной насыщенностью процесса репрезентации спорта через искусство и т.п.

Предполагая, что читатель данного издания значительно глубже знаком со спецификой искусства как формы самореализации человека и области проявления эмоций, чем с анализом этих аспектов применительно к спорту, позволю себе коротко выделить некоторые характеристики спорта как особой социокультурной практики, как значимого для нас «резервуара эмоций», чтобы вернуться затем к точкам соприкосновения этих сегментов социума в интересующем нас аспекте.

Спорт с точки зрения его социально-культурного (отличающегося от естественно-научного) анализа — это деятельность, характерными чертами которой являются: соревновательность (и как следствие — непредсказуемость результата); доминирование «достигательской» психологии (и как производное — стремление предьявить максимальные возможности человека, физические, волевые и т.д.); четкая регламентация действий с фиксированием результата в количественных показателях, что дает более твердую, чем при других видах соревнований, основу для выражения разнонаправленных эмоций — от безмерной любви до безграничной ненависти — «интерпретаторами» спортивного действия. Сама идентификация своих и чужих в этой сфере, пожалуй, тоже может быть отнесена к одной из самых однозначных систем маркирования, если оставаться в кругу мирной жизни. Семиотический анализ спорта, конечно, позволяет увидеть в нем существенно больше структурных элементов, знаков и символов [Lee, 2017], однако здесь выделены прежде всего те, что важны для последующего обсуждения.

Все перечисленные атрибуты выступают сами по себе источником эмоционального насыщения спортивной жизни и в большей или меньшей мере находят отражение в тех образах спорта, о которых речь пойдет ниже. Эти характеристики спорта, как будет далее показано на некоторых примерах из жизни больших Художников, были в большой степени тем «манком», который стимулировал их встречу со спортом, — вживую (на футбольном поле или на трибуне) или же в нарративах своего творчества. Не только эмоциональная насыщенность, но и непредсказуемость результатов, можно полагать,

была одной из сквозных платформ для двух на первый взгляд противоположных миров: если художник предсказуем, то он не интересен, как заметил когда-то один выдающийся режиссер.

Историко-культурные оттенки художественной интерпретации мира спорта

Обращаясь к влиянию историко-культурного или социально-исторического контекста на характер художественной репрезентации всего, что может быть отнесено к области спортивного, важно уточнить, что в широком мировоззренческом, философско-методологическом дискурсе в понятие «спорт» часто попадает все, что связано с телесным совершенствованием человека, с его телесной/физической культурой, а не только со «специализированным», собственно соревновательным уровнем проявления этих качеств. В этом смысле отражение «спортивного» в «художественном» разных эпох — это весьма обширное пространство гимна человеческому телу в движении, в его целенаправленном совершенствовании для достижения «акме».

Нельзя не сделать и еще одну ремарку, связанную со встроенностью рассматриваемого процесса в историко-культурный ландшафт, хотя скорее с оспариванием этого фактора. Возможно, наиболее артикулировано утверждение об отсутствии данной связки представлено П. Бурдые, предложившим рассматривать мир спорта как относительно независимый, как «поле»: «Если... система институтов и агентов, чьи интересы связаны со спортом, действует как поле, то сущность спортивных явлений в данный момент времени и в данной социальной среде невозможно понять, напрямую связав их с экономическими и социальными условиями соответствующих обществ: история спорта — это относительно автономная история, которая... имеет свое время, свои законы развития, свои кризисы, короче говоря, свою особую хронологию» [Бурдые, 2018, с. 100]. Однако понятно, что даже приняв эту аксиому, для заявленного культурологического анализа значимым остается выявление связки *de trois* (культурная эпоха — искусство — спорт).

В целом, представленность темы спорта в искусстве — направление достаточно неплохо разработанное, прежде всего как раз в контексте изучения различных периодов развития художественной культуры,

Спорт в отечественном художественном прочтении: культурологический взгляд на мотивы и нарративы

культуры повседневности и др. Весьма традиционной темой в рамках корпуса публикаций по истории искусства является, например, констатация важности спортивных мотивов в художественных творениях Античности — вот уж где спорт и искусство были близки! Практически все исследователи этой эпохи не обошли стороной анализ такой связки. Не будем здесь пересказывать классические работы, но все же на одну деталь внимание обратим: отождествление современного понимания спорта и античного спортивного агона не вполне правомерно, что нельзя не учитывать и при рассмотрении того, как спортивное действие проецируется в художественные образы конкретной эпохи. М.Л. Гаспаров в работе, посвященной Пиндару, «самому греческому из греческих поэтов», отмечает, что необоснованность отождествления, указанного нами выше, рождает «естественное недоумение современного человека при первой встрече с основным жанром поэзии Пиндара, с эпиникиями: почему такой громоздкий фейерверк высоких образов и мыслей пускается в ход по такой случайной причине, как победа такого-то жокея или боксера на спортивных состязаниях?» [Гаспаров, 1980, с. 361]. Ответ на этот вопрос, поясняет М.Л. Гаспаров, — в непонимании того, что сходство (сам факт *соревновательности*) во многом носит более внешний, чем сущностный характер. «Греческие состязания должны были выявить не того, кто лучше всех в данном спортивном искусстве, а того, кто лучше всех вообще — того, кто осенен божественной милостью. Спортивная победа — лишь одно из возможных проявлений этой божественной милости; спортивные состязания — лишь испытание, проверка (*ἐλεγχος*) обладания этой божественной милостью. Именно поэтому Пиндар всегда прославляет не победу, а победителя; для описания доблести своего героя, его рода и города он не жалеет слов, а описанию спортивной борьбы, доставившей ему победу, обычно не уделяет ни малейшего внимания» [Гаспаров, 1980, с. 362]. Забегая вперед, отметим, что некий отсвет подобной интерпретации все же присутствует и в других эпохах, и в частности в позиционировании спорта в раннесоветскую эпоху, хотя и с небольшим терминологическим урезанием в отношении «божественного». Завершая эту ремарку об античном пространстве возвышения спорта, где его единение с другими социально-культурными сферами было безусловным и, вероятно, обозначенным ярко, как никогда более, извлечем оттуда

важную для нашей темы сентенцию: с одной стороны, без поддержки художника, готового своим искусством прославлять мастерство спортсмена, последний не может быть понят и оценен (по словам Пиндара, «...без песни и великая сила пребывает во мраке...»), но с другой, как отмечает М.Л. Гаспаров, поскольку поэт — любимец богов не в меньшей степени, чем атлет, которого он воспеваает, тот же Пиндар часто уподобляет себя самого атлету или борцу, готовому к дальнему прыжку, к метанию дрота, к стрельбе из лука [Гаспаров, 1980, с. 377].

Этот блестящий пример анализа художественной проекции мира спорта, обусловленной как раз особенностями конкретного социально-политического и культурно-аксиологического пространства, чрезвычайно важен методологически, так как акцентирует внимание на важности контекстуального подхода к проблеме. Существенным компонентом такого анализа является рассмотрение социального позиционирования феномена спорта в зависимости от той или иной социокультурной матрицы; ситуации его легитимного, одобряемого взаимодействия с другими областями культуры или, напротив, иерархической маргинализации; противопоставление низменно-телесных практик спорта «подлинно человеческим», высоким, вплоть до, говоря современным языком, «культуры отмены». Далеко не всегда, но нередко характер и формы репрезентации спортивной тематики в художественном творчестве, как уже было отмечено, могли переплетаться с отношением к изображению человеческого тела вообще, с одобряемостью или осуждаемостью телесной проблематики в более общем смысле. Понятно, что такая связка не обязательна, но все же бывает заметна в отдельных социально-культурных эпохах, к одной из которых мы далее и обратимся.

Homo sporticus — Новый человек Нового общества в оптике Нового искусства

Один из самых ярких, наглядно-демонстративных временных периодов, позволяющих предметно и разнопланово проследить связь между искусством и спортом, — период становления и форсированного движения молодого советского государства с его «молодыми» искусством и спортом. В 1920–1930-е годы здесь работала, если

Спорт в отечественном художественном прочтении: культурологический взгляд на мотивы и нарративы

можно так сказать, естественно возникшая (в смысле не созданная исследователями-экспериментаторами) лаборатория поиска, формирования, утверждения *всех* компонентов *всего* нового — от устройства общества до антропоса, нового человека. Очевидно, что такого рода социокультурные ориентиры определяли и конкретное наполнение (смысловое, аксиологическое, предметно-практическое) *всех* видов социальной деятельности, едионаправленных на достижение общей для них (практик и их субъектов) цели. К примеру, как отмечает Е.Н. Устюгова, среди такого рода интегративных задач было объединение сил художников, представителей естествознания и сферы производства для совместного изучения проблемы синтеза «элементов искусства» [Устюгова, 2024, с. 21]. Ориентир на создание искусства, способного «возвысить материальную и социальную жизнь до духа красоты и превратить ее в художественную, эстетическую жизнь» [Устюгова, 2024, с. 22] не мог, конечно, не затронуть витально значимые практики работы с телом, спорт в его широком значении [Суник, 2010; Быховская, Люлевич, 2018; Быховская, 2019]. Стремление к сотворчеству во всех его видах определялось тем, что можно описать словами М.Л. Гаспарова, пусть и сказанными совсем про другое время: «напряженная заинтересованность в переживаемом мгновении — самая характерная черта той историко-культурной эпохи» [Гаспаров, 1980, с. 364].

С точки зрения масштаба и многообразия форм тематика спорта получила в отечественном искусстве того периода представительство в самых разных видах и жанрах: в живописи и скульптуре, художественно выполненных плакатах и фарфоре, на панно и витражах зданий, включая первые станции метро, в театральном-спортивных зрелищах, включая знаменитые парады-постановки на Красной площади (ну чем не уличный театр?). Именно в первые полтора десятилетия жизни советского общества тандем спорта и искусства был выражен наиболее ярко. Осознавая опасность излишнего социологизаторства (в тот период, как известно, как раз укрепившегося), все же нельзя не видеть непосредственной связи между возникновением этого альянса и особенностями того социально-культурного контекста, в котором он формировался, что отмечается как в историко-культурных исследованиях, так и в собственно искусствоведческом анализе темы спорта в изобразительном искусстве

1920–1930-х годов, где часто акцентируется значение этой темы как зоны экспериментов, позволившей «аккумулировать в себе творческие поиски самых разных художественных направлений» [Малевинская, 2018, с. 3].

Возвращаясь же к культурологическому ракурсу анализа, выделим несколько значимых точек роста процесса художественно-спортивного взаимодействия. Одна из главных — релевантность использования спортивной тематики в искусстве первых советских десятилетий для решения важнейшей задачи *оперативного и наглядного* противопоставления нового общества старому, буржуазному, *предъявления* преимуществ нового строя. Понятно, что в таких областях, как экономика, просвещение, здравоохранение получение *оче-видных* результатов требовало немалого времени, а нужен был ход для наглядной демонстрации перехода от тьмы к свету «здесь и сейчас». А что могло быть более ярким и наглядным аргументом, чем образ светлого, жизнерадостного, динамичного нового человека, то есть того самого Homo sporticus, в котором эти черты наглядно имплементировались? Спорт, совершенствование тела быстро обрели высокую социальную значимость и престижность как инструменты преобразования человека. В свою очередь, это требовало масштабной визуальной (то есть обеспечивающей доступность для восприятия каждым) кампании по предъявлению привлекательного идеала в образе физически крепкого, стройного, жизнеспособного человека, наряду со столь же доступными для восприятия наглядными призывами приобщаться к практикам движения к идеалу. Плакат А.А. Дейнеки с призывом «Атлетом можешь ты не быть, но физкультурником — обязан» (1933), очевидно, не исчезает из публикаций на эту тему именно в силу точности выраженного в нем, как в тексте, так и в рисунке, духа времени. Плакат, ставший в тот период важным жанром нового пролетарского искусства, привлекал к себе художников далеко не последнего десятка: кроме Дейнеки, это и Г.Г. Клуцис, и Эль Лисицкий, и С.И. Ягужинский... Отметим, что плакаты, наряду с набирающим силу киноискусством, были важным медиаресурсом для тиражирования визуализированной информации о масштабных спортивно-театральных представлениях (парады, спартакиады), увидеть которые в условиях отсутствия телевидения, не говоря уже о современных интернет-ресурсах, могло в то время очень ограниченное число людей. Таким образом, разные жанры искусства

Спорт в отечественном художественном прочтении:
культурологический взгляд на мотивы и нарративы

смыкались в спортивно-физкультурном строю, обеспечивая нужные стране пропагандистско-культурные коммуникации.

Интересно, что формирование физически соответствующего запросам государства человека, идеал которого представляли картины и плакаты того времени, опиралось в том числе на идеи так называемой «социальной евгеники», в содержание которой, судя по документам того времени, включали и занятия спортом, а потому приобщение к физкультуре рассматривалось «как социально-евгенический фактор» [цит. по: Суник, 2010, с. 457].

Через физ-культуру к Культуре

Образ нового человека в спортивном обличье, повторим, был важен не только как ориентир, но и как контр-образ имиджу человека старого мира, приверженцу в том числе и идеям неправильного спорта. Противопоставление спорта пролетарского буржуазному было делом, понятно, совсем не спортсменов и К°, а вполне серьезных культуртрегеров той эпохи. Так, А.В. Луначарский, посвятивший рефлексии социально-культурного значения спорта отдельную работу — «Мысли о спорте» (1930), — проводит сравнительно-культурный анализ спорта в разных социальных системах, обозначая демаркационную линию простыми и ясными подзаголовками: «На Западе» и «У нас». Ключевая мысль: «нездоровый культ спорта как чисто „телесной“ культуры, который мы наблюдаем сейчас на Западе», должен быть полностью отвергнут и заменен «у нас» на правильный, культурный во всех отношениях спорт нового общества [Луначарский, 1930, с. 40].

Не менее ярко и образно, как и полагается писателю, эту же идею контраста «их» и «нашего» спорта развивает Максим Горький, который, не замеченный в стремлении активно приобщаться к спорту, тем не менее внес свою лепту в развитие и продвижение спортивного духа нации, став в 1932 году почетным членом первого спортивного общества в СССР — «Динамо», созданного в 1923 году («Спартак» возник раньше, в апреле 1922 года, но, как замечают историки, это было еще до возникновения СССР). В медиатеке динамовского музея (очень современного!) представлено опубликованное в 1932 году письмо М. Горького, адресованное «землякам-динамовцам», то есть спортсменам из Нижнего Новгорода. «В буржуазных странах спорт ставит

перед собой очень простую и ясную цель: сделать человека еще глупее, чем он есть... ослепить и обессилить, чтобы не различать классовых противоречий»; спорт буржуазный — это «культура мускулов и мяса» [Горький, 1932]. Противопоставляя этому достойные спортивные занятия своих земляков, Горький заодно взял на себя функцию креативного директора общества, предложив свою культурологическую интерпретацию его названия: «Греческое слово „дина“ значит сила, „динамика“ — движение, а „динамит“ — взрывчатое вещество. „Динамо“ — это сила в движении, призванная взорвать и разрушить в прах и пыль все старое, гнилое, все, что затрудняет рост нового, разумного, чистого и светлого — рост пролетарской социалистической культуры» [Горький, 1932]. Любопытно, что, отмечая достоинства спорта как социально значимой практики, писатель вступает в неожиданную (или вполне ожидаемую?) переключку с идеями З. Фрейда, который видел в спорте одну из социально приемлемых форм канализации инстинктов человека. «Осведомленные люди, — пишет Горький, — сообщали мне как верное, что работа „Динамо“ и физкультурных организаций... упорядочила тот эмоциональный хаос, который несколько лет тому назад наблюдался в области половых отношений» [Горький, 1932].

Идеологема «через физкультуру — к культуре» может рассматриваться как обозначение одного из магистральных путей «окультуривания» масс в первые советские десятилетия, где сочетались важные для целевой аудитории привлекательность и доступность *физ*-культурного компонента в формирующемся некультурном пространстве. Заметим, что аргументация важности «окультуривания» общества, при всех акцентах на отстройку от предыдущей физ- и культуры в целом, все же содержала в качестве наглядных образцов прекрасные тела «человека спортивного» из великого культурного наследия. Черно-белые фотографии произведений представлены, например, в книжке С. Милеева «Искусство и физическая культура» (1931), в предисловии к которой говорится: «Как проблема социальная, проблема физкультуры требует знакомства с опытом прошлого и в особенности с ее отражением в искусстве. Признанная делом первостепенной государственной важности, физкультура в условиях советского строя больше, чем где-нибудь, требует понимания социального характера ее, а физкультурное искусство у разных народов — ключ к этому пониманию» [Милеев, 1931, с. 6].

Отдельным артикулированным вектором процесса «окультуривания» через физкультуру была работа по наглядной агитации женщины — существа, как подчеркивалось, «у них» (читай — прежде) наиболее обездоленного, придавленного, отделенного от культуры — как духовной, так и телесной. Как спортивно-массовая, так и художественно-агитационная работа рассматривались как инструмент наполнения радостным духом женщины-матери, приобщения к важным элементам культуры не только ее, но и ее детей. Занятия спортом — это «надежное оружие... для успешной борьбы с дурной наследственностью, с физическим вырождением, а также с больным духом, с той преждевременной апатией, отсутствием энергии, которые наблюдаются в настоящее время даже у самой юной молодежи. Без здоровья, без ощущения физической свежести и силы не может быть и радости духа» [Ковзан, 1919, с. 3]. Эпоха вновь возвращала в своей, пролетарской версии к размышлениям о связи между телом и душой...

«Женское направление» в агитационно-художественном продвижении идеи приобщения к спорту складывалось в двух измерениях. С одной стороны, это масштабное присутствие женских спортивных образов на живописных полотнах, агитационных плакатах, в произведениях керамистов, росписи на фарфоре [Спорт в советском фарфоре, 2018]. С другой стороны, это активное включение в «спортивно-прививочную» кампанию женщин-художниц. Понимание значимости включенности в спорт — никак не меньшей, чем профессиональные занятия, — можно вычитать, например, в параллельном выборе А.И. Самойловских двух групп для изображения: «Художницы ВХУТЕМАСа» и «Физкультурницы ВХУТЕМАСа» (1928–1929, Пермская государственная художественная галерея). Отметим, что жанр фотомонтажа, использованный здесь, был в рассматриваемый период весьма популярен как инструмент, позволявший передать энергетический запал, динамику окружающего социального мира.

Художественная выставка «Москвичка. Женщины советской столицы 1920–1930-х» (Музей Москвы, 24 апреля — 25 августа 2024 года) дала представление о немалом числе прекрасных работ, в той или иной форме связывающих женщину и спорт, анализ некоторых из них представлен в соответствующем разделе исследования Н.В. Плунгян (она же один из авторов концепции этой экспозиции) «Рождение советской женщины» [Плунгян, 2023, с. 186–215]. Любопытно, что

важность приобщения к спорту обозначалась не только непосредственно как образцы для подражания в виде спортивных женских фигур, но и иногда совсем небольшими символическими штрихами на полотнах, никак со спортом не связанными. Это мог, например, быть значок ГТО («Готов к труду и обороне»), приколотый на грудь юной горожанки, как на портрете кисти М.П. Цыбасова («Ася», 1932–1933, Музей изобразительных искусств Республики Карелия, Петрозаводск). Аксессуар, казалось бы, тематически не обязательный, но, видимо, важный как отражение новых интересов в жизни «новой женщины». Наличие этого знака можно встретить у персонажей и на некоторых других картинах того времени, тематически никак не связанных со спортом (см., например, Е.К. Мельникова «Экскурсия на завод „Шарикоподшипник“», 1937, Государственный музейно-выставочный центр «РОСИЗО», Москва).

Отражение витающего в воздухе того времени спортивного «аромата» можно уловить и в женских работах, наполненных иронией, например в «Автошарже» Варвары Степановой («Конструктор Степанова. Автошарж», 1922, Отдел личных коллекций, Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, Москва), где автором была выбрана для своего образа спортивная экипировка. Вообще, своего рода «спортизация» стиля женской одежды, активное использование спортивных мотивов в моде также было очевидным свидетельством статуса спорта в аксиологическом поле раннесоветского общества. Так, например, в 1920-е годы одной из примет молодежной, в том числе женской моды стало распространение обычной футболки — ее стали носить не только на стадионах, но и в повседневной жизни. Хотя, как отмечает английский искусствовед М. О'Махоуни, на советских улицах эта мода появилась задолго до того, как аналогичный стиль сформировался в странах Запада [О'Махоуни, 2010], и это утверждение реверсивно возвращает нас к одному из оснований формирования спортивности в первые советские десятилетия — отмежеванию от всего, что было «у них». Анализируя облик героини на картине Г.Г. Рязского «Физкультурница» (1930), С. Милеев пишет: «В ней нет ничего, начиная с ее костюма, чтобы позволило ее сравнить с представительницами буржуазного спорта. Ее костюм прост, удобен и имеет одно назначение — дать возможность дышать телу и впитывать солнечные лучи, тогда как западные спортсменки

Спорт в отечественном художественном прочтении:
культурологический взгляд на мотивы и нарративы

вносят даже в свои спортивные костюмы изощренность моды и роскоши» [Милеев, 1931, с. 183].

Отметим аргорос, что было бы любопытно сопоставить формирование тренда на спортизацию одежды в тот период и такого же рода тенденцию в последние десятилетия современности. Не уходя здесь в сторону от намеченной исследовательской магистрали, замечу лишь, что, на первый взгляд, мотивационный мейнстрим был не одним и тем же, как это часто бывает при схожести внешних контуров процессов. Можно предположить, что век назад важным мотивом (если вынести за скобки стремление просто быть в тренде) выступала демонстрация своей волевой и телесной готовности к максимально активной, продуктивной деятельности в любой сфере, к рекордам, и не обязательно спортивным. Можно сказать, что кроме всевременного мотиватора быть *a la mode*, у раннесоветского человека (конечно, в среднем) присутствовал также и ориентир быть *fit*, то есть «подходящим», «пригодным» для дерзкого полета к мечте. Спортизация же современной моды — это скорее производное от процесса тотальной ювенилизации [Манокин, 2012, с. 77] как одного из трендов конца XX — начала XXI века. Сегодняшняя «новая взрослость» и ее объективация в стиле жизни, моде, имидже в целом, на наш взгляд, далеко не так плотно связаны со сферой спорта (хотя и не без этого), как идея «нового человека» в практиках первых советских десятилетий. Но, конечно, это вопрос, который требует отдельного анализа.

Нельзя, говоря о формах вовлечения женщин в активные виды досуга, в спортивно-ориентированное времяпрепровождение и использование для этого самых разных художественных средств, не вспомнить Айседору Дункан. Стремясь к масштабному продвижению своей концепции (и соответствующей ей практики) «свободного танца», Дункан логично предполагала, что именно новая территория свободы и, самое главное, невиданной прежде свободы женщины, — это самое подходящее пространство для воплощения ее идеи. Свобода движения в «царстве свободы», в которое, как пелось в известной песне, «грудью дорогу» уже проложили, была, вероятно, в планах известной танцовщицы настоящей материализацией мечты. Созданные Дункан школы свободного танца, действительно, привлекли «новых», советских барышень, хотя и не просуществовали слишком

долго. Однако все же красивый штрих в процесс развития двигательной культуры женщин нового мира этот проект, несомненно, внес.

Завершая небольшой обзор движения этой женщины к новому уровню социального признания, в том числе и средствами, сочетающими в себе спортивные и художественно-культурные элементы, приведу фразу, которая, правда, не относится ни к советской России, ни к России вообще и сказана была в другое время, но красиво ложится на рассматриваемый нами процесс: «физическая сила быстро была приравнена к политической, социальной и моральной... Здоровье и физические упражнения были освобождающими... женщина поехала к своим правам на велосипеде» [цит. по: Юдина, 2024, с. 316].

О, спорт, ты мир... художника

Спортивная тематика в искусстве раннесоветского периода — это, конечно, отнюдь не только инструмент для агитации, для «спортивной прививки» обществу, но и просто большой сегмент, прежде всего в изобразительном искусстве, где спортивные сюжеты, мотивы и нарративы занимали весьма достойное место, в том числе в силу уже рассмотренных обстоятельств. Оставляя искусствоведческий анализ темы спорта специалистам, отмечу лишь, что невероятное богатство художественного материала, релевантного обозначенной теме, продолжает привлекать к его анализу не только отечественных исследователей, некоторые из которых уже были упомянуты, но и многих зарубежных специалистов — историков, искусствоведов, социологов искусства. Не могу здесь не назвать имена моих давних коллег и друзей, живые беседы с которыми, наряду со знакомством с их публикациями, были важным элементом в осмыслении обозначенной темы. Это профессор Калифорнийского университета (США) Роберт Эдельман [Эдельман, 2008], доктор университета Нанта (Франция) Сильвен Дюфресс [Dufraisie, 2019], профессора двух немецких университетов — Дафнэ Больц и Михаэл Крюгер [A History of Sport, 2023]. Что касается знакомства лишь с текстами, то, пожалуй, выделю одного из зарубежных исследователей, уже упомянутого выше, диссертация которого (затем — книга) была специально посвящена теме спорта в советской художественной культуре — английского историка искусства Майка О'Махоуни [О'Махоуни, 2010]. Конечно,

Спорт в отечественном художественном прочтении:
культурологический взгляд на мотивы и нарративы

это не исчерпывающий список, но называю здесь тех, чей исследовательский интерес и к советскому искусству, и к советскому спорту (прежде всего 1920–1930-х годов) искренне сдобрен восхищением и, не побоюсь этого слова, любовью к тому и другому. Конечно, внесение аксиологического измерения — запрещенный прием для научного анализа, но да простится мне в этот раз такая селекция... А о негативах и «негативистах» можно будет — для полноты картины — поговорить в другой раз.

Возвращаясь к живописцам — воспевателям спорта первых советских декад, обратим еще раз внимание на то, что здесь работали очень разные мотивационные механизмы. Но если судить и по произведениям, и по некоторым авторским комментариям, притягательность спорта для художника заключалась в уже упомянутых нами эмоциональности, непредсказуемости, работе на максимуме. Своего рода триггерами в разных случаях были и искреннее стремление материализовать идею нового человека в образах жизнерадостных спортсменов, и собственно «охота за эмоциями» (используя девиз современных маркетологов), и нахождение в этой тематике своего рода укрытия, «шелтера», в котором можно было уклониться от необходимости соответствовать жестко предписываемым идеологическим канонам, в том числе и для возможности работы с красотой человеческого тела, не слишком упрятанного в комбинезоны строителей коммунизма. Смысловая нагруженность и масштабность представления спортивной тематике в искусстве того времени — вполне наглядная реализация призыва польского афориста Станислава Ежи Леца: «Придать бы плоти побольше сути!» Именно этим — приданием сути «человеку спортивному» — занимались в рассматриваемый период художники разного калибра и стилей, что делает этот период достаточно уникальным с точки зрения масштабности спортивного сегмента в отечественном искусстве. Среди тех, кого традиционно помещают на его авансцену, — А.А. Дейнека, Ю.И. Пименов, А.Н. Самохвалов. Их погруженность в тему спорта нередко выражалась не только образами на полотнах, но и вербальными признаниями о своем восхищении культурой движения, пластикой, полетом, а к тому же — и благодарностью спорту за создание мощного стимула к творческим поискам. М. Дмитриева в своей статье, посвященной анализу творчества Дейнеки как певца футбола, приводит отрывок

из его текста «Творческая командировка»: «В двадцать четвертом году я впервые выставлялся. Писал футбол. Игру любил, знал ее, как тысячи моих сверстников, как десятки тысяч взволнованных зрителей. Игра каждый раз наталкивала меня на желание написать картину. Наделал десятки рисунков, и, набрасывая один из многих неудачных эскизов, я обнаружил — эскиз не укладывается в композиционные нормы знакомых картин. Я компоновал новое пластическое явление и вынужден был работать без исторических сносков. <...> Игра в футбол натолкнула меня на свой самостоятельный язык» [Дмитриева, 2018, с. 371–372]. Кстати, любопытно, что аналогичную по своей сути признательность спорту как источнику творческого развития можно встретить и у представителей поэтического жанра. Например, вот слова Е.А. Евтушенко из обращения к газете «Советский спорт»: «Спасибо тебе, что ровно 60 лет назад 2 июня 1949 года ты напечатала мое первое, еще мальчишеское стихотворение, в котором еще только намечались мои будущие поэтические мускулы, но оно все-таки помогло мне выйти впервые на футбольное поле поэзии, где „я учился прорыву свободного русского слова не у профессоров — у великого Севы Боброва“. Это чистая правда, что моими учителями в поэзии были не только наши классики, но и замечательные мастера мяча, которых я имел счастье видеть» [Евгений Евтушенко, 2009].

К сожалению, объем статьи не позволяет представить роль спорта и спортивной тематики в жизни многих замечательных художников, а среди них есть имена выдающиеся, например В.В. Набоков, который о себе писал, что как иной рождается гусаром, «так я родился голкипером». Понятно, что любовь к спорту в жизни разных художников тоже была разная: кто-то сам гонял мяч или играл в городки, а кто-то заряжался эмоциями, глядя, как это делают спортсмены. П. Бурдые задавался вопросом, который напрашивается и при размышлении о месте спорта в жизни тех или иных выдающихся художников: «Как создается спрос на спортивные продукты, как люди приобретают вкус к спорту и отдают предпочтение одному виду спорта перед другим, независимо от того, являются они участниками или зрителями?» [Бурдые, 2009, с. 99]. В каждом конкретном случае понятно, что ответы будут разные, проистекающие из линии жизни того или иного творца. Один из, возможно, неожиданных сюжетов на эту тему — «Как был болельщиком» великий Д.Д. Шостакович. Правда, близкий друг ком-

Спорт в отечественном художественном прочтении:
культурологический взгляд на мотивы и нарративы

позитора, а затем и его личный секретарь И.Д. Гликман в предисловии к изданному собранию их переписки отмечает, что «на эту тему написано много лишнего и, по-моему, зачастую несуразного», а потому «вынужден высказать свое мнение о так называемой футболомании Дмитрия Дмитриевича» [Письма к другу, 1993, с. 16]. С точки зрения Гликмана, причисление Шостаковича к «футболоманам» было следствием того, что «каждое новое лицо из артистического мира, появляющееся на трибунах, привлекало внимание, а иногда становилось притчей во языцех». Однако, как пишет автор, все же пристрастие к футболу у Шостаковича было, хотя сам он иногда и подтрунивал над ним. А «приохотил» композитора к спорту В.В. Лебедев, известный художник, который был еще и активным спортсменом. «В.В. Лебедев, несмотря на свой, как мне тогда казалось, солидный возраст, вел себя на футбольных матчах чрезвычайно экспансивно, по-мальчишески подбадривал выкриками игроков-фаворитов... требовал отправить судью „на мыло“ и т.д. и т.п. Я дружно присоединялся к Владимиру Васильевичу. Что касается Дмитрия Дмитриевича, то он тоже волновался, но ему не изменяла его феноменальная сдержанность... только оживленная и выразительная мимика отражала его эмоции» [Письма к другу, 1993, с. 17]. По мнению Гликмана, подобно А.И. Куприну, дружившему с циркачами, и Э. Хемингуэю — с матадорами, Шостакович стремился «утолить свою любознательность» в отношении футболистов, не ограничиваясь лишь частым посещением трибун (а, например, организовав у себя обед для знакомства «с героями футбольных драм» [Письма к другу, 1993, с. 18]). Давний исследователь роли футбола в жизни Шостаковича — Д.Ю. Брагинский — в своей богатой фактологией книге с красноречивым названием «Шостакович и футбол: территория свободы» [Брагинский, 2018] рассказывает о весьма неординарных сюжетных линиях такого взаимодействия, включая не только большую любовь к игре и игрокам, но и, например, «пробу пера» в роли спортивного журналиста или серьезное увлечение спортивной статистикой, выражавшееся в скрупулезном сборе данных (которые, как пишет Брагинский, композитор заносил в том числе в блокнот — Diary, подаренный ему в 1945 году Давидом Ойстрахом). Ну и конечно, нельзя не вспомнить о том, что любимый вид спорта не остался и вне собственно музыкального творчества композитора — в балете «Золотой век» (1929, первая постановка —

1930), принесшем изначально немало горьких переживаний автору, но получившем потом всемирное признание, футбольный сюжет стал одной из главных тем. Заканчивая этот небольшой эскиз к портрету многолетнего сопряжения искусства и спорта в жизни гения, эскиз, опирающийся на исследования коллег-искусствоведов, невозможно не вернуться к тому вопросу, с которого мы начинали, — вопросу о правомерности противопоставления *духа* (и его носителей) и *тела* (и его обладателей). Почему спорт может быть столь притягателен для высоких художников, интеллектуалов, профи в совсем не спортивных сферах? Конечно, из одного кейса глобального ответа не извлечешь, но возникает предположение, что иногда спортивное пространство, именно в силу его «телесной доминанты», может стать полем психологического расслабления, точкой своего рода эскапизма. Вдова Шостаковича, Ирина Антоновна, во вступительном слове к упомянутой книге Д.Ю. Брагинского, пишет: «В футбольном мире Дмитрий Дмитриевич чувствовал себя очень хорошо и естественно, на этой территории он всегда оставался счастливым и свободным» [Брагинский, 2018, с. 7]. Похоже, что такого рода ответ на наш вопрос — это не только про «там и тогда»...

Заключение

Завершая рассмотрение поставленного вопроса — какие линии сопряжения проходят между спортом и искусством, что может для художника, реализующего себя в одной сфере, стать точкой притяжения в совершенно другой области, — мы, обратившись, наряду с небольшим общекультурологическим анализом вопроса, к некоторым конкретным примерам, вряд ли можем поставить точку и «закрыть тему». Разные социокультурные контексты, мотивационные триггеры, биографические профили — разные векторы, формы, интенсивность процессов встречи художественного и спортивного. При этом все сказанное выше не отменяет одного из важнейших оснований процесса их сопряжения, о котором мы упомянули вначале, а именно — высокий уровень эмоциональной и ценностной насыщенности в обоих видах социально-культурной практики, практики самореализации человека. В контексте представленного анализа мы сделали акцент на своего рода «узелке» (а точнее, аккумуляторе) на линии эмоционального

Спорт в отечественном художественном прочтении:
культурологический взгляд на мотивы и нарративы

сопряжения искусства и спорта, которым является творец, Художник. Рассмотренные яркие примеры вхождения нарратива спорта в его эмоционально-художественный мир, при всей их уникальности, все же имеют и общее мотивирующее начало — стремление постигнуть и запечатлеть в образах тот мир, где страсти максимально накалены, где человек нередко находится, по словам О.Э. Мандельштама, на самом краю, на пределе Человеческого, окунаясь и окуная в резервуар неподдельных, возвышающих эмоций:

...Но только тот действительно спортсмен,
Кто разорвал печальной жизни плен:
Он знает край, где дышит радость, пенясь... [Мандельштам, 2017, с. 70].

Спорт в отечественном художественном прочтении:
культурологический взгляд на мотивы и нарративы

Список литературы:

- 1 Брагинский Д.Ю. Шостакович и футбол: территория свободы. М.: DSCH, 2018. 190 с.
- 2 Бурдые П. Как можно быть спортивным болельщиком? / Пер. с англ. А. Смирнова // Логос. 2009. № 6 (73). С. 99–113.
- 3 Быховская И.М. Homo somatikos: аксиология человеческого тела. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 206 с.
- 4 Быховская И.М. «Человек телесный» в социокультурном контексте раннесоветской эпохи: аксиология и социальные практики // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 8. С. 65–82. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2019-8-65-82>.
- 5 Быховская И.М., Люевич И.Ю. Аксиология телесности и здоровья: вертикали и горизонталы сравнительно-культурного анализа // Международный журнал исследований культуры. 2018. № 4. С. 208–223. <https://doi.org/10.24411/2079-1100-2018-00076>.
- 6 Гаспаров М.Л. Поэзия Пиндара // Пиндар, Вакхилид. Оды. Фрагменты / Изд. подготовил М.Л. Гаспаров. М.: Наука, 1980. С. 361–383. (Литературные памятники).
- 7 Горький М. Землякам-динамовцам // Динамовец ЦЧО. 1932. № 4. С. 3. URL: <https://dynamomuseum.ru/mediateka/heroes/Maksim-Gor'kiy> (дата обращения 20.04.2024).
- 8 Дмитриева М. Сакральное тело. Александр Дейнека и футбол // «Вратарь, не суйся за штрафную»: Футбол в культуре и истории Восточной Европы / Сост. М. Дмитриева, Д. Зуков, Ш. Краузе, К. Любке. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 280–306.
- 9 Евгений Евтушенко: «Моя Футболиада» – для вас! // Советский спорт. 2009. 20 июля. URL: <https://www.sovsport.ru/football/articles/338950-evgenij-evtushenko-moja-futboliada-dlja-vas> (дата обращения 20.04.2024).
- 10 Ковзан К. Колонка редактора // Русский спорт. 1919. № 14. С. 3.
- 11 Луначарский А.В. Мысли о спорте. М.: Огонек, 1930. 44 с.
- 12 Малевич Н.В. Особенности живописно-пластического языка в произведениях советских мастеров 1920–30-х годов на тему спорта: Автореф. дис. ... кандидата искусствоведения: 17.00.04 / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. СПб., 2018. 22 с.
- 13 Мандельштам О.Э. Спорт // Мандельштам О.Э. Полное собрание поэзии и прозы в одном томе. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2017. С. 70.
- 14 Манокин М.А. Ювенилизация современного общества: культурологические аспекты // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 3. С. 77–81.
- 15 Милеев С.В. Искусство и физическая культура. М.; Л.: Физкультура и туризм, 1931. 208 с.
- 16 О'Махоуни М. Спорт в СССР: физическая культура – визуальная культура / Пер. с англ. Е. Ляминой, А. Фишман. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 296 с.
- 17 Письма к другу: Дмитрий Шостакович – Исааку Гликману / Предисл., сост., коммент. И.Д. Гликман. М.: DSCH; СПб.: Композитор, 1993. 335 с.
- 18 Плунгян Н.В. Рождение советской женщины. Работница, крестьянка, летчица, «бывшая» и другие в искусстве 1917–1939 годов. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2023. 288 с.
- 19 Спорт в советском фарфоре, графике, скульптуре / Науч. рук. Е. Петрова. СПб.: Palace Editions, 2018. 232 с.
- 20 Столяров В.И. Философия физкультурно-спортивной деятельности и телесности человека (история, современное состояние, авторская концепция). М.: Русайнс, 2017. 264 с.
- 21 Суник А.Б. Очерки отечественной историографии истории физической культуры и спорта. М.: Советский спорт, 2010. 616 с.
- 22 Устюгова Е.Н. Идея «творящей формы» в эстетике русского авангарда 1920-х годов // Художественная культура. 2024. № 1. С. 12–33. <https://doi.org/10.51678/2226-0072-2024-1-12-33>.
- 23 Эдельман Р. Серьезная забава. История зрелищного спорта в СССР / Пер. с англ. И.С. Давидян. М.: Советский спорт; АИРО-XXI, 2008. 400 с.
- 24 Юдина Е.Ю. Спортивные выставки как инструмент развития интереса общества к активному досугу: опыт мировой и отечественной истории // Инновационные технологии в спорте и физическом воспитании подрастающего поколения: Сборник статей. М.: Медиагруппа «ХАССК», 2024. С. 306–317.
- 25 A History of Sport in Europe in 100 Objects / Ed. by D. Bolz, M. Kruger. Hildesheim: Arete Verlag, 2023. 440 p.
- 26 Dufraisse S. Les Héros du sport. Une Histoire des Champions Soviétiques (années 1930 – années 1980). Ceyzérieu: Champ Vallon, 2019. 315 p.
- 27 Hughson J. The Artification of Football: A Sociological Reconsideration of the 'Beautiful Game' // Cultural Sociology. 2019. Vol. 13 (3). P. 305–320. <https://doi.org/10.1177/1749975519852802>.
- 28 Lee J.W. Semiotics and Sport Communication Research: Theoretical and Methodological Considerations // Communication and Sport. 2017. Vol. 5. Issue 3. P. 374–395. <https://doi.org/10.1177/2167479515610764>.

Спорт в отечественном художественном прочтении:
культурологический взгляд на мотивы и нарративы

References:

- 1 Braginskii D. Yu. *Shostakovich i futbol: territoriya svobody* [Shostakovich and Football: Space of Freedom]. Moscow, DSCH Publ., 2018. 190 p. (In Russian)
- 2 Bourdieu P. Kak mozno byt' sportivnym bolel'shchikom? [How Can One Be a Sports Fan?]. *Logos*, 2009, no. 6 (73), pp. 99–113. (In Russian)
- 3 Bykhovskaya I.M. *Homo somatikos: aksiologiya chelovecheskogo tela* [Homo Somatikos: Axiology of the Human Body]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2000. 206 p. (In Russian)
- 4 Bykhovskaya I.M. "Chelovek telesnyi" v sotsiokul'turnom kontekste rannesovetskoj ehpokhi: aksiologiya i sotsial'nyye praktiki ["Homo Corporis" in the Socio-cultural Context of Early Soviet Era: Axiology and Social Practices]. *Vestnik RGGU, seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"*, 2019, no. 8, pp. 65–82. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2019-8-65-82>. (In Russian)
- 5 Bykhovskaya I.M., Lyulevich I. Yu. Aksiologiya telesnosti i zdorov'ya: vertikali i gorizontali sravnitel'no-kul'turnogo analiza [Axiology of Human Body and Health: Verticals and Horizontals of Cross-Cultural Analysis]. *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury*, 2018, no. 4, pp. 208–223. <https://doi.org/10.24411/2079-1100-2018-00076>. (In Russian)
- 6 Gasparov M.L. Poeziya Pindara [Poetry of Pindar]. Pindar, Bacchylides. *Ody. Fragmentsy* [Odes. Fragments], ed. prep. M.L. Gasparov. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 361–383. (Literaturnye pamyatniki [Literary Memorials]). (In Russian)
- 7 Gorkii M. Zemlyakam-dinamovtsam [To Fellow Dynamo Players]. *Dinamovets TSKHO*, 1932, no. 4, p. 3. Available at: <https://dynamomuseum.ru/mediateka/heroes/Maksim-Gor'kiy> (accessed 20.04.2024). (In Russian)
- 8 Dmitrieva M. Sakral'noye telo. Aleksandr Deineka i futbol [Sacred Body. Alexander Deineka and Football]. "Vratar', ne suisya za shtrafnuyu!": *Futbol v kul'ture i istorii Vostochnoi Evropy* ["Goalkeeper, Don't Go Beyond the Penalty Area!": Football in the Culture and History of Eastern Europe], comp. M. Dmitriyeva, D. Zikov, Sh. Krauze, K. Lyubke. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018, pp. 280–306. (In Russian)
- 9 Evgenii Evtushenko: "Moya Fotboliada" — dlya vas! [Yevgeny Yevtushenko: "My Footballiada" Is for You!]. *Sovetskii sport*, 2009, July 20. Available at: <https://www.sovsport.ru/football/articles/338950-evgenij-evtushenko-moja-futboliada-dlja-vas> (accessed 20.04.2024). (In Russian)
- 10 Kovzan K. Kolonka redaktora [Editor's Column]. *Russkii sport*, 1919, no. 14, p. 3. (In Russian)
- 11 Lunacharskii A.V. *Mysli o sporte* [Thoughts on Sports]. Moscow, Ogonek Publ., 1930. 44 p. (In Russian)
- 12 Malevinskaya N.V. *Osobennosti zhivopisno-plasticheskogo yazyka v proizvedeniyakh sovetskikh masterov 1920–30-kh godov na temu sporta* [Features of the Pictorial and Plastic Language in the Works of Soviet Masters of the 1920–30s on the Theme of Sports], Dis. abstract ... cand. of arts., 17.00.04, A.I. Gertsen Russian State Pedagogical University. St. Petersburg, 2018. 22 p. (In Russian)
- 13 Mandelstam O.E. Sport [Sport]. Mandelstam O.E. *Polnoe sobranie poehzii i prozy v odnom tome* [Complete Collection of Poetry and Prose in One Volume]. Moscow, ALFA-KNIGA Publ., 2017, p. 70. (In Russian)
- 14 Manokin M.A. Yuvenilizatsiya sovremennogo obshchestva: kul'turologicheskiye aspekty [Juvenilization of Modern Society: Cultural Aspects]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*, 2012, no. 3, pp. 77–81. (In Russian)
- 15 Mileev S.V. *Iskusstvo i fizicheskaya kul'tura* [Art and Physical Culture]. Moscow, Leningrad, Fizkul'tura i turizm Publ., 1931. 208 p. (In Russian)
- 16 O'Mahony M. *Sport v SSSR: fizicheskaya kul'tura — vizual'naya kul'tura* [Sports in the USSR: Physical Culture — Visual Culture], transl. from English E. Lyamina, A. Fishman. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 296 p. (In Russian)
- 17 *Pis'ma k drugu: Dmitrii Shostakovich — Isaaku Glikmanu* [Letters to a Friend: Dmitri Shostakovich to Isaak Glikman], foreword, comp., com. I.D. Glikman. Moscow, DSCH Publ., St. Petersburg, Kompozitor Publ., 1993. 335 p. (In Russian)
- 18 Plungyan N. *Rozhdenie sovetskoi zhenshchiny. Rabotnitsa, krest'yanka, letchitsa, "byvshaya" i drugie v iskusstve 1917–1939 godov* [The Birth of the Soviet Woman. Worker, Peasant, Pilot, "Ex" and Others in the Art of 1917–1939]. Moscow, Muzei sovremennogo iskusstva "Garazh" Publ., 2023. 288 p. (In Russian)
- 19 *Sport v sovetskom farfore, grafike, skulpture* [Sport in Soviet Porcelain, Graphics, Sculpture], sc. head E. Petrova. St. Petersburg, Palace Editions Publ., 2018. 232 p. (In Russian)
- 20 Stolyarov V.I. *Filosofiya fizkul'turno-sportivnoi deyatel'nosti* [Philosophy of Physical Education and Sports Activities]. Moscow, Rusains Publ., 2017. 264 p. (In Russian)
- 21 Sunik A. *Ocherki otechestvennoi istoriografii istorii fizicheskoi kul'tury i sporta* [Essays on the Domestic Historiography of the History of Physical Culture and Sports]. Moscow, Sovetskii sport Publ., 2010. 616 p. (In Russian)
- 22 Ustyugova E.N. *Ideya "tvoryashchei formy" v ehstetike russkogo avangarda 1920-kh godov* [The Idea of the "Creative Form" in the Aesthetics of the Russian Avant-garde of the 1920s]. *Hudozhestvennaya kul'tura* [Art & Culture Studies], 2024, no. 1, pp. 12–33. <https://doi.org/10.51678/2226-0072-2024-1-12-33>. (In Russian)
- 23 Edelman R. *Ser'eznaya zabava. Istoriya zrelishchnogo sporta v SSSR* [Serious Fun. The History of Spectator Sports in the USSR]. Moscow, Sovetskii sport Publ., AIRO-XXI Publ., 2008. 400 p. (In Russian)
- 24 Yudina E. Yu. Sportivnyye vystavki kak instrument razvitiya interesa obshchestva k aktivnomu dosugu: opyt mirovoi i otechestvennoi istorii [Sports Exhibitions as a Tool for Developing Public Interest in Active Leisure: Experience of World and Domestic History]. *Innovatsionnyye tekhnologii v sporte i fizicheskoy vospitanii podrastayushchego pokoleniya: Sbornik statei* [Innovative Technologies in Sports and Physical Education of the Younger Generation: Collection of Articles]. Moscow, Mediagruppa HASK Publ., 2024, pp. 306–317. (In Russian)
- 25 *A History of Sport in Europe in 100 Objects*, eds. D. Bolz, M. Kruger. Hildesheim, Arête Verlag, 2023. 440 p.
- 26 Dufraisse S. *Les Héros du sport. Une Histoire des Champions Soviétiques (années 1930 — années 1980)*. Ceyzérieu, Champ Vallon, 2019. 315 p.
- 27 Hughson J. The Artification of Football: A Sociological Reconsideration of the 'Beautiful Game'. *Cultural Sociology*, 2019, vol. 13 (3), pp. 305–320. <https://doi.org/10.1177/1749975519852802>.
- 28 Lee J.W. Semiotics and Sport Communication Research: Theoretical and Methodological Considerations. *Communication and Sport*, 2017, vol. 5, issue 3, pp. 374–395. <https://doi.org/10.1177/2167479515610764>.